

Его ладонь уже не давила на лицо Цзи Саньмэя, а лишь слегка прикрывала глаза, защищая от свечного света, чтобы тот мог спокойно уснуть.

Цзи Саньмэй закрыл глаза. Кислый привкус вернулся, долгий и невыносимый, однако его горечь ещё не отуманивала разум. Отречься от мирского пути и принять буддизм — значит отвернуться от семьи, покинуть родной край. На знакомого ему Шэнь Фаши такое было непохоже. Пусть из-за низкого происхождения матери Шэнь Фаши не жаловали в семье Шэнь, к отцу он всегда относился с почтением и сыновним трепетом.

... Если только не случилось нечто, о чём Цзи Саньмэй не ведал.

А судя по лоснящемуся челу мастера Шэнь и его недомолвкам, более вероятно, что тот, истерзанный сердечной раной, удалился в монастырь.

Так что же произошло за два года до его смерти и за семь лет перерождения?

Вскоре слуга принёс еду. Цзи Саньмэй, быстро упрятав разобранные по полочкам мысли в уголок сознания, бодро поднялся, решив заесть прокисший привкус во рту.

Два блюда, хоть и без мяса, были лёгкими и вкусными. Жареные трюфели с бамбуковыми грибами, лотос из Цзинтана да порция отборного риса — Цзи Саньмэй уплетал за обе щеки, однако сквозь вкус он всё же ощущал явственный дух денег.

Всю трапезу Шэнь Фаши наблюдал за его руками, держащими палочки. Цзи Саньмэй заметил это, но даже не подумал скрываться.

Шэнь Фаши от природы плохо владел правой рукой, и семья Шэнь, безуспешно пытавшаяся его переучить, в итоге махнула рукой. Сам же Цзи Саньмэй, хоть и предпочитал держать курительную трубку в левой, палочки и кисть держал правильно, ничем не выделяясь. Шэнь Фаши хоть глаза прогляди — ничего бы не понял.

Наевшись, Цзи Саньмэй повалился на кровать и, искренне поглаживая живот, промолвил:

— Дядя Шэнь, не стоило таких трат.

Шэнь Фаши, не получив никаких улик, снова уселся на край постели, не меняясь в лице.

... И эта непринуждённость, с которой тот себя вёл, тоже была до боли знакомой.

Может, поддавшись развязности Цзи Саньмэя, а может, и вправду принимая его за племянника старого друга, Шэнь Фаши принялся массировать его слегка выпирающий живот, помогая пищеварению:

— Боишься трат — зачем же всё съел?

Цзи Саньмэю было так приятно, что он, прищурившись, прижался к его груди, готовый уснуть, — и Шэнь Фаши невольно вспомнил вечно ленивого рыжего кота из храма Цзюэми.

Котёнок Цзи удобно поджал и без того непропорционально длинные для его возраста ноги:

— Не доесть — значит выбросить.

Шэнь Фаши усмехнулся:

— Тогда скажи, сколько тебе впредь готовить.

— Без закусок, — пробормотал Цзи Саньмэй, — мне хватит одной пиалы риса.

Сонливость после еды была непреодолима, и в такие моменты воля человека слабеет. Но Цзи Саньмэй не был обычным человеком.

В его сознании чётко разграничивались речи для людей, для духов и для пьяных, и эти границы не смещались, будь он пьян, спит или хочет спать.

Это умение позволяло ему, даже в крайней усталости, проглатывать лишние, ненужные слова.

— ... Мне хватит одной пиалы риса... Закуски — всё Лючэню.

В детстве, после истребления рода Биньци, братья Цзи лишились сначала матери, потом отца. Попав в город Чжуинь, они оказались никому не нужны, без поддержки, в бедности и лишениях, долгое время влача жалкое существование.

Ради будущего роста брата Цзи Саньмэй привык есть за обедом лишь рис, без закусок.

Но привычка эта далась нелегко. Не наедаясь, Цзи Саньмэй часто мучился от голода и, чтобы заглушить жгучую пустоту в животе, пробовал есть что попало — даже выданный на зиму уголь любознательный Цзи Саньмэй отгрызал по кусочку.

Позже он случайно обнаружил за их двором заброшенный табачный участок.

Цзи Саньмэй сумел его оживить, сам смастерил курительный прибор из бамбука, и, когда голод давал о себе знать, несколько затяжек утоляли его наполовину.

Так у него и появилась табачная зависимость.

Поев, он по привычке потянулся бы пожевать табачных листьев, но, во-первых, Шэнь Фаши так приятно массирует ему живот, а во-вторых, сам Шэнь Фаши был рядом, — и Цзи Саньмэй подавил тягу, уснув у него на руках.

Он не знал, что, едва он заснул, Шэнь Фаши поднёс к носу собственную ладонь и слегка вдохнул.

Даже в столь юном возрасте в бороздках его пальцев уже засел несмываемый табачный дух.

Этот запах наполнил взгляд Шэнь Фаши невыразимой нежностью. Он уселся на краю кровати, опустив глаза, и не отходил от спящего Цзи Саньмэя. Попытался было снять с него свою кашаю плывущих облаков, но тот укутался слишком крепко. Боясь потревожить его сон, Шэнь Фаши оставил всё как есть и принялся поглаживать край его ушной раковины.

У детей температура тела высокая, особенно во сне — тельце будто раскалённая печь. Цзи Саньмэй не был исключением: щёки его заливал прелестный румянец, уши походили на мягкие алые пельмешки, а мочки были пухлыми и изящными, тёплыми и нежными на ощупь.

Шэнь Фаши смотрел на его лицо, размышляя.

Если ты — это он, зачем же переродился сыном Цзи Лючэня? Неужели не мог отпустить того парня?

Если ты — это он, вспомнишь ли ты меня после перерождения?

Так он просидел до четвёртой стражи ночи, когда в дверь постучали. Голос слуги, спокойный и в то же время достаточно звучный, донёлся из-за порога:

— Мастер Шэнь, господин Ван и господин Чанъань прибыли.

Дверь открылась, но прежде чем Ван Чуаньдэн переступил порог, Шэнь Фаши бросил:

— Не вносите сюда запах крови.

Ван Чуаньдэн замер и, разглядев в объятиях Шэнь Фаши Цзи Саньмэя, проникся пониманием. Взгляд его наполнился такой теплотой, что мог бы ослепить. Спокойно ответил:

— Слушаюсь, губернатор.

Затем он грациозно развернулся.

Полухалат его был залит кровью мэй, отливавшей под светом коридорных фонарей зловещим блеском, но он не обратил на это внимания и обратился к побледневшему слуге:

— Где умывальня?

Ван Чуаньдэн удалился, а Чанъань остался в комнате.

С лицом, как две капли воды похожим на Цзи Саньмэя, Чанъань чинно и совсем не по-саньмэевски стоял у постели, не сводя с Цзи Саньмэя любопытного взгляда:

— Учитель...

Шэнь Фаши прервал его:

— Когда Чуаньдэн вернётся, отправляемся в храм Цзюэми. О положении на горе Белого Императора доложишь по возвращении.

Чанъань:

— Учитель, а его возьмём?

«Его», разумеется, означало Цзи Саньмэя. Шэнь Фаши промычал «Угу», не удостоив дальнейших объяснений.

Но Чанъань понял его превратно, и в голосе его прозвучала неподдельная радость:

— Младший брат? У меня будет младший брат?

Шэнь Фаши промолчал, не подтверждая и не отрицая, но Чанъань искренне обрадовался. Подойдя ближе и наклонившись, он несколько мгновений созерцал спящего Цзи Саньмэя, а затем изрёк:

— Милашка.

Шэнь Фаши: ...

Неведомо что им двигало, но он слегка развернулся, заслонив Цзи Саньмэя от взгляда

Чанъаня:

— Иди соберись, скоро возвращаемся в храм Цзюэми. ... По возвращении поручу тебе важное дело.

Авторское примечание:

Саньмэй: Хочу есть.

Мастер: Что желаешь?

Саньмэй: Просто варёный рис. ... А лучше бы чего бесплатного.

Мастер: ... Ладно, покормлю.

Саньмэй: ... Стой, ты зачем штаны снимаешь?! Ммм... ммм~~

На следующее утро Цзи Саньмэй проснулся от влажного запаха сосновой хвои.

Прищурившись, он без труда нашёл источник аромата.

Через полуоткрытое ракушечное окно в комнату свешивалась сосновая ветвь. Летнее солнце залило сочную зелень густым, маслянистым светом, иголки просвечивали, испуская чистый, бодрящий запах.

Однако сквозь густой сосновый аромат Цзи Саньмэй уловил тонкую ноту магнолии — она исходила от одеяла, которым он был укрыт.

<http://bllate.org/book/16281/1466104>